

УЛИЦА. Дождь в Лондоне идет, как говорят у нас в деревне, из каждой тучи. Однажды вечером намелится проливной дождь, а как раз шла в театр по Лейстер-скверу, в самом центре. Было сухо, тепло и уютно, шумно и людно, сидел, мигал неон на фасадах двух соседних кинотеатров, гремели динамики с треском взаимноисключающими вариантами умп-умп-умп, стучали барабаны чички уличных музыкантов, работал клоун в кругу зевая - и вдруг как горохом сыпнуло с неба, запылали крупные дожди. И - я слышала своими ушами - улица рассмеялась! В том смысле, что "здрасьте, давно вас не было". Так смеются в театре удачной шутке. Но особые суеты не было, подняли воротнички и набросили капюшоны - и как парашюты раскрылись зонты.

(Можно слышать, что вся улица вдруг ахнет или закричит на разные голоса. Однажды огромная улица молчала - в полном одиночестве под опустевшим трамваем лежала еще живая женщина.)

Но чтобы улица хохотнула дождю - это случилось со мной впервые. В Лондоне.

ТЕАТР В МЕТРО. В лондонской подземке (она называется "труба", тьюб) категорически запрещается собирать мелочь и выступать. Один саксофонист играл внизу у эскалатора и был в толстом костюме и маске Микки Мауса, хотя в метро стояла банная жара (оказывается, везде висят видеокамеры, и полицейские, посмотревшие в свои мониторы, мгновенно волокут такого исполнителя вон, да еще и вставляют его имя в компьютер, что страшно всего для иностранца. Поэтому хитрец падел маску). Другой музыкант как раз и сидел в метро специально под самой камерой, и чтобы его зафиксировать, объектив пришлось бы направить вертикально вниз и назад, т. е. свернуть шеей камерой. Этот унылый с медовым голосом Элвиса Пресли каждый вечер собирал в метро маленькие толпы, исполняя настоящим голосом настоящие рок и буги-вуги. Люди улыбались и подливали вокруг него, некоторые начинали петь, сбрасывали свои рюкзачки и надрывные, почтены пластиковые упаковки с пивом (12 банок), кто-то доставал флейту и прижимался свистеть, а потом они спохватывались и волокли вешички в готовые закрома двери вагона, а одна немолдовая, дорого одетая лондонская красавица пропустила три поезда (18 минут), покачиваясь в такт, подпевая и щелкая пальчиками, - и вот это был готовый сюжет мюзикла. Только в метро видишь, как может захватить толпу горячий, мелодичный, мощный старый рок-н-ролл, король уходящего двадцатого века. Поезд - это для детей всех возрастов, для дяди, треска, прибамбасов и истерик. Там же, где ничего нет, просто грязная кафельная стена в подземке, заплывающий асфальт, грохот поездов, - там царит одна гитара, один голос и только рок.

Стоит добавить, что в метро я оказалась аккуратно ночью, посмотрев мюзикл "Чикаго", и очень довольная. Со спектакля я просто сбегала. Но после концерта в метро все сели в вагон радости.

Мы мчались в туннеле, ожидая света в его конце, а народ в интернациональном лондонском "тьюб" - это еще один театр, ибо, чуть настает теплые времена, трогаются в поход по странам мира и встречаются на улицах, площадях, в самолетах и вагонах все расы и возрасты, от крошек в колясках (и в рюкзачках на груди) до стаек легкомысленных пенсионеров, которые, повторяя как заклинание слово "сорри", пробраются в толпе, выдерживают многокилометровые пробежки по музеям, вечерами тащатся в культпоход по путевкам в театр, а в личное время, как солдаты, пишут открытки домой.

ГАЗЕТНЫЕ НОВОСТИ. С возрастными категориями творится нечто: я прочла в лондонской газете, что была олимпиада señоров (которым за 50) и в беге на сто метров в категории старше девятности победил японец 93 лет! (Неужели добежал? Дошел, допелся, думаю я. Но ведь это был именно бег, а не спортивный ходьба. Стало быть, мчался!) Там же группа спортсменов подала в арбитраж, обвиняя победительницу, которая выиграла дистанцию на три тысячи метров (57 лет, двое детей и трое внуков), в том, что она мужчина! На прилагаемой фотографии победительница (шелковый топ с номерком, шелковые трусы, жилетные ножонки) выглядела, как типичная теща, грозная, с перманентом, бегущая быстрее всех, чтобы догнать зятя, в пылу гнева, среди других тещ этого же зятя (вообразим себе такую ситуацию, хотя сложно, бегущих тещ в трусах было на дистанции человек десять. Разве что это были мамы жестоко покинутого беременного гарема).

В той же газете поместили страстное письмо деятелей английской культуры, что гибнет драматическое искусство, гибнет под ударами мюзиклов, которые наводняют театральную столицу мира, лондонский центр, Вест-Энд (тут их играют 30 театров ежедневно - причем годами).

МЮЗИКЛЫ. Собственно говоря, как выяснилось, мюзикл - просто оперетта, но труппа специально собрана для одного ежедневного спектакля. Может идти и почти двадцать лет подряд (как "Кошки"). Когда сборы падают, труппа выезжает в мировое турне по странам, где еще не догадывались, что сборы падают ("Кошки" в Москве были). Сегодня мюзиклы - туристические объекты Лондона, вроде Британского музея,

Тауэра или галереи Тейт. В Европе турагентства продают путевки на эти спектакли - три дня с мюзиклом.

Вообще, какова цель театра? Мне кажется, счастье. Домой вы мчитесь новым человеком. Счастье - дорогой товар. Редкая птица в жизни. Мгновение! Дрожат от счастья встретившись после разлуки влюбленные, дрожат от счастья родители, склоняясь над спасенным ребенком, дрожат от счастья любитель живописи или музыки, книги, кино или балета, который наконец, после долгих поисков, выпитых обожаемых произведений.

Тут, в мюзикле, ничего такого нет. Балетоман или знаток пения здесь не ахнет. И в смысле живописи смотреть не на что, если вы поклонник декораций Королевы, Шагала или Бэнна. Что касается театрального искусства, то тоже достижений особых нет. В основном тексты играют деревенно, хлопочут лицом, а руки в боки, по карманам или узлом перед грудью - или бесильно в стороны (если это не танец). В одной арии в мюзикле "Чикаго" я насчитала пять хлопков в ладоши (когда актер не умеет играть, он часто изображает удивление, хлопая в ладоши и затем по ляжкам. При этом артист щелкает языком и про себя как бы произносит "ну надо же"). Нескоролько лет назад мне было страшно трудно отучить исполнительницу главной роли в моем английском спектакле "Три девушки в голубом" именно от такого жеста. Я объяснила артистке по-русски, что руки ей надо оторвать за это, и повторила ее движение, хлоп в ладоши, хлопок по коленям. Переводчица смягчила мой текст, сказав, что данный жест не характерен для русских преподавателей университета, каковой является героиня пьесы. Артистка все равно обиделась, как тонкая натура.

Идем дальше по мюзиклам. Кошки в спектакле "Кошки" выглядят не как кошки, а как макаки (если человеку придется делать длинный хвост, нарисовать черным нос и всего одеть в шерсть, вплоть до шеек, и человек этот будет кричаться, приплясывать и вставать на четвереньки - то как мы назовем такое существо?). Поют эти макаки средне. Единственное удовольствие - вдруг на арену шлепается сверху башмак размером в автомобиль "Ока", от чего кошки прыскают в стороны с превеликим обаянием ужасом...

Оркестры играют слаженно, но без достижений. Не Гергисы, не Карояны. Актеры танцуют хорошо, но не как ансамбль Моисеева.

Однако, когда ты понимаешь, что возможность богатейшего и певучего, когда опасения высоких нот приманодны и баритона, когда видишь, что вокалистка должна сейчас танцевать с балетом (или когда слышишь, что балет заорал под музыку), невольно возникает горячее сочувствие к исполнителю, и простенький танец певички, а также громкий хор балерин воспринимается, как чудо! Поневолье радуешься.

Странное дело - но (свидетельствую) люди бывают счастливы на мюзиклах!

"ЧИКАГО". Не понимая ни словечка в заковаристых текстах (как англичане бы не поняли нашего "Кот котта ниже живота"), я поначалу посчитала, что сюжет мюзикла - это репетиция какого-то шоу. Артистки, затянутые в легкие корсеты и колготки, махали ногами вокруг стульев, присаживались коленями резко врозь, принимали позы стриптизерок, визжали что-то забубенное, а на сцене, на уступах, сидел оркестр легкой музыки с дирижером во главе. Через какое-то время, правда, я поняла, что это никакая не репетиция шоу, а женское отделение тюрьмы, но с оркестром. Поскольку туда пришел адвокат и стал петь, что он должен подкупить судью за пять кусков долларов. А сидящие в тюрьме шикарно раздетые девушки пели о том, что они будут давать интервью в газеты и писать воспоминания о своих проступках, зарабатывая на этом деньги. И их интимизм, то, как они затем торговали грехами, описывая все свои сожителства, изнасилования и связанные с этим личные беды, - вот это и было тем, что осуждалось в мюзикле "Чикаго". Когда я поняла, о чем речь, я быстро покинула зрительный зал, и за мной бежали девчонки-билетщицы, спрашивая, в чем дело. Я ответила, что заболела. Не хотелось их обижать.

Однако в мире, как в деревне - есть клуб, и туда ходят. Туристам (свободное время, мы в Лондоне, дождь, вечер, реклама) полагается идти на Вест-Энд на мюзикл, снова туда, где море огня, оркестр, актеры танцуют, поют, костюмы сияют, то и дело фейерверки, и текст слышно до самой галерки!

СЛЫШИМОСТЬ. А это немаловажно, такая слышимость, ибо по всему земному шару - от забытого театрами испанского городка Рейкьявика и до города Мурома, где один народный театр, а режиссера зовут Николай Николаевич, - везде одинаково плохо слышно актеров. Всюду одна проблема.

А уж что говорить про центральные театры, где много рядов! Задние кресла - безнадежный вариант, особенно если там сидят школьники, насильно привлеченные учителями на автобусах смотреть произведение по школьной программе (прочтешь у детей нет сил). Эти ряды сразу же, с третьим звонком, начинают громко шутить, потом совсем расслабляются, пыют из баночек

и бутылочек и затем отвечают на слова актеров в рифму. Артист скажет "люблю" - из зала несется матерная рифма и гогот публики. И вытесит легкий дымок косяков. Вот такой зритель и есть великая трагедия театра!

В лондонских мюзиклах эта проблема решена двойным способом: во-первых, очень дорогие билеты. Если вы топчетесь у входа, вам их предложат по 200 фунтов (300 долларов). Или заказывайте месяцем раньше. За такие деньги вы будете ловить каждое слово. И, кроме того, все видно и слышно, микрофоны, спрятанные у исполнителей в причесах, и бинокли у зрителей, разложенные по особым футлярчикам за каждым креслом.

Людмила Петрушевская

Мама моя!

Призраки, киски и чудовища

Заметки о лондонских мюзиклах

Единственно что - у нас в России, при нынешнем уровне техники, театрам не на что купить микрофонов, да и покрадут быстро.

ДЕВЯТЬ УСЛОВИЙ. Итак, первое условие мюзикла - микрофон, живое пение и оркестры. Второе - оформление: огромные капиталовложения в костюмы, декорации, свет, фейерверки, спецэффекты типа взрывов, исчезновений, полетов под потолком артистов и предметов и т. д.

Третье - актер должен уметь все: петь, говорить выразительно и понятно, изображая постороннее лицо, танцевать (балет и чечетку), садиться на шпагат, играть на мюзинструментах, держать строгую диету и режим дня, не стареть, стараться не заплодотворить ни в коем случае, далее - не томиться, из вечера в вечер целыми годами распевая знакомую до ужаса песню... Высокая квалификация влетает за собой большие деньги, а деньги требуют повторять то, что окупается. Ловушка для актеров (писателей, художников). Или ты ищешь свободу творчества и теряешь работу.

Четвертое - идеальная организованность до последнего винтика, отсюда энергия исполнителей под угрозой молниеносного увольнения.

Пятое: хороший сюжет, т. е. легкую, по возможности логичную драматургию - и желательно хорошо знакомую. Известный мюзикл ("Красавица и Чудовище"), роман ("Призрак оперы", "Отверженные"), фильм ("Лихорадка субботнего вечера", "Вестсайдская история"), даже стихи ("Кошки" основаны на поэзии Т. Элиота, нобелевского лауреата).

То же (шестое) касается музыки. Хотя мелодичность не главное, важнее известное имя (например, Эндрю Ллойд Уэббер, знаменитый автор "Христов перст", был приглашен писать музыку в "Кошках", но ему удалось создать там только одну запоминающуюся песню, а в "Призраке оперы" не удалось вообще. Ну и так сошло).

7 - 8. А уж наличие режиссера, который из всех этих компонентов свариет нечто великопелное, - это само собой разумеется. Без режиссера театр не живет. Однако продюсер главнее. Эта профессия у нас, правда, так же редка, как жрец религии вуду. Продюсер достает деньги.

9. И последнее - английский язык понятен всему миру и собирает деньги со всего мира. На одних лондонцах мюзикл бы не прожил.

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ У ВХОДА.

Там, надеясь спокойно купить билеты, вы можете встретиться с хорошо знакомой в годы застоя ситуацией (у "Таганки", "Ленкома" и "Современника" - в кассе вместо лица табличка со словом "по", а у входа тройка нападающих с тяжелыми мордами кинопреступников и с пачками билетов в руках. Причем объ-

явление у кассы гласит, что за купленные с рук билеты администрация ответственности не несет, - все как у нас. И, как у нас, никто не гоняет этих явных злодеев от театрального подъезда. Кстати, всем известно было (у нас), что директора театров держали всю эту торговлю в своих руках, и в совокупности с непрекращающимся ремонтом это давало возможность неплохо жить. Тяжело думать, что все директора в мире одинаковы, однако, когда я сказала злодею у входа, что сомневаюсь, не фальшивка ли это, он с усмешкой дал мне билет в руки и попросил проверить его подлинность у билетеров. Билетеры изда-

ли наблюдали эту сценку и закивали мне за два метра...

Простые дела.

"МАМА МОЯ!" Самая удачная вещь сезона, по мнению многих, - это "Мама моя!". Главное была идея: взять в качестве музыки шлягеры шведской "АББЫ", от звуков которых тащится молодежь (бывшая) семидесятых и их детки. Немолодая пара, которая вместе со мной искала "Принца Эдварда театр", по пути, счастливо смеясь, рассказала, что у дочери день рождения и они взяли ее с собой в подарок к 20-летию на "Мама моя!". Дочь неохотно ползла сзади. Но эта новая поросль, приведенная старшими на спектакль, тут же начала балдеть, оттягивалась, не по-детски, качалась рядами в такт музыке. Взрослые не качались, но трогательно подпевали. Дикий успех!

Сюжет "Мама моя!": мать-одиночка выдает замуж дочь. Девушка приглашает на свою свадьбу всех, в том числе и по старинной записной книжке мамы, всех друзей ее молодости, и не без тайного умысла. Девушка хочет узнать, кто ее папа.

Вот начало спектакля: три подружки вбегают, садятся на камень, болтая ногами (действие происходит в доме на берегу моря), и одна говорит: "Хотите новость?" - другая немедленно: "Ты беременна?"

В зале хохот. Спектакль шумно тронулся, как хороший поезд. Великое дело - первые минуты. Пока еще ничего не началось, но уже ясно: будет весело. Из дали времен возникают знаменитые шлягеры, полузабытые, волнующие, смешные, как наши песни о главном. Понятно, что это теперь мировая классика. Ведь классика - это то из прошлого, что сначала надоело, а двадцать лет спустя приятно вспомнить. Классика XX века - танго двадцатых-тридцатых, эмигрантский романс, джаз сороковых, буги-вуги и рок-н-ролл, Элвис Пресли и "Битлз", и теперь еще "АББА".

Так вот, первыми на свадьбу приезжают давнишние подружки мамашы, две немолдовские гражданочки, одна крепкая и небольшая вроде пенька, а другая высокая блондинка, пожилая кукла Барби. Эта пара работает как клоуны. Распакуются вещи в спальню на чердаке, где только тахта и надувной матрац, две дамы вдруг обнаруживают старый чемоданчик со своими бывшими сценическими костюмами! У них же было трио! И вместе с затурканной (фартур и венник) мамой невесты они вдруг переодеваются и - понеслась! Поют. Знаменитую "Мани-мани-мани".

Но главное начинается потом, когда приезжают три старых друга мамы, приглашенные невестой. Приехали и обнаруживается, что у их подружки юности - взрослая дочь! А девушка жалуется каждому из них, что ищет отца. И, тронутые ее несчастным видом, каждый по очереди берет вину на себя! Совершенно так сказать, геройский поступок. Кстати, на-

стоящий папа признается последним. Бедная невеста от такого обилия пап полностью теряет самоуважение (в России таких называли "семибатюшными"). А если вспомнить шестидесятые годы и знаменитые коллективные "шведские семьи", то девушку можно понять. Веселая жизнь родителей - комплексы и безделье детей.

И девушка отказывается от замужества. При этом, заметьте, каждый из троих "пап" хочет жениться на маме, воспользовавшись случаем. Однако правда торжествует: настоящий отец - вот он, на коленях, просит руки, и в церкви после пятиминутного пения (гости уговаривают маму сказать "да": "Сей ай ду! Ай ду - ай ду - ай ду" и т. д.) венчаются сразу две пары, дочь и родители. Потом общие танцы, наливаются светом каменные плиты во дворике, садится над морем желтая луна величиной по весу театр, цветные лучи шарят по поющей (и вставшей от восторга) публике, а дальше наступает тихое росное утро, и по тропинке, которая вдруг поднялась над землей и уходит далеко-далеко, две юные фигурки в шортах и с рюкзачками - молодые муж и жена - уходят пешком в свадебное путешествие... Видимо, женился также и два других старых друга (на пенские и Барби), а зрители хлопают и выбирают из зала довольные-довольные. Как сказала моя дочь Наташа, это мыло. То есть мыльная опера, родной жанр.

"КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ".

Мюзикл сделан по мотивам диснеевского мультфильма, там известный сюжет об альфонском цветочке (старичок заблудился и попал к Чудовищу в замок, дочка старичка пошла его выручать и спасла папу, оставшись, что называется, заложницей в замке). У Чудовища три рога, над ушами и на носу, мохнатый горб, морда как у кабана, хвост, жуткая привычка дико орать по пустякам, невоспитан, но Красавица (Белль) вызывает у него радостное смущение и приступы буйного счастья. Замечательно, что напему Чудовищу природа подарила прекрасный голос, длинный прыжок и прекрасные актерские способности. К примеру, эти его припадки и истерики, рыки и скачки и тут же героические попытки себя усмирить по славу Красавицы... Когда я почитала программку, выяснилось, что Чудовище очень опытное, получало премии и номинации, в жизни похоже на Алена Делона, сыграло дескток ролей в знаменитых мюзиклах и зовется Джон Барроумен.

В этом детском спектакле, так не похожем на все наши театральные утренники, построены роскошные декорации, они, как в кино, взрываются, съезжаются и открываются пьалы, а когда со стороны Чудовища следует приглашение Красавицы на обед - она говорит невинно: "Спасибо, но я голодна!" (помните в "Руслане и Людмиле" - "не стану есть, не буду слушать"?), в результате истерпеливое Чудовище грохочет от злости в свой тайный микрофон так, что у всего зала закладывает уши, а затем ему делают замечание его придворные (Сахаринца и Часы), и он уговаривает себя не орать: "Я джентльмен! Я джентльмен!" - а дети громко смеются. Но тут Красавица соглашается пообедать ("подумала - и стала кушать"), и на сцену в вихре радостной пляски врываются Ложки, Тарелки, Вилки и Ножи, они все в сверкающих костюмах, они бьют чечетку, крутят салты и поют на два голоса, а потом вертятся колесом, лежа на полу, Красная Бархатная Подушечка На Стул.

Но (по сюжету) Красавица бежит вон, и Чудовище умирает. И эта жалкая смерть в отсутствие любимой девушки, от тоски по ней, заставляет зрителей жалеться. На сцене является все, что осталось от великана: гора поникшей шерсти, как прошлогонная растасканная конна сена... Зрители, привыкшие уже к Чудовищу, начинают страшно сострадать ему. А когда Красавица прибежит, заплачет над подошедшим Чудовищем и подарит ему поцелуй, и его маска с рогами упадет, и Чудовище воспрянет, вылезет из конны шерсти в принцевском наряде, - то вот тогда награжденные за милосердие зрители наконец увидят его настоящую внешность: сахарную улыбку и загорелое лицо кобвея с реклами сигарет, бархатный камзол и ботфорты! Дети в восторге, зал беснуется! Золушка-то вот она, Чудовище! Был заколдован, но любовь сделала его человеком! Мужская Золушка!

А Красавицу, Белль, сыграла маленькая негрятеночка с ослепительной улыбкой, нежным поведением, крошечными ножками и небольшим, но верным и приятным голоском. Ее так и зовут - Мишель-ма-белль, как у "битлов". То есть Мишел Гэйл. Она оказалась артисткой с детства, играла в телесериалах, а в шестнадцать уже выступала в театре в роли Золушки. Она училась танцу, пению и актерскому мастерству и потому легко и без балетных вывертов танцевала в середине "Корус лайн" - в шерегоне профессиональных "гёрлз", каковая шеренга всегда была отличительной особенностью бродвейских шоу. Белль не подвела. В веренице ног, двигающихся с заученной точностью, в золотом ряду Ложек и Вилочек ее синие платящие и мальевские

пальчики выглядели так стройно, так естественно! И как приятно было слышать ее арии, спетые просто, но изычно, чисто, без попысы, с джазовыми интонациями. Как сказала моя дочь Наташа, у этой Мишел матовый черный голос, то, что сейчас самое модное.

"ПРИЗРАК ОПЕРЫ". Самая слож-

ная и самая похожая на оперу среди лондонских оперетт - знаменитый мюзикл "Призрак оперы". Эта страшная история в основном поется - арии, дуэты, трио и так далее до сентетов (семиголоского хора). Вокал очень средний, у нас в оперетте есть получше. Героиня маленькая, хрупкая и вроде бы хористка на подтанцовках, однако Призрак устранивает в театре пакости и теракты, сопровождая их укузаниями, что именно она (хористка) должна петь заглавную партию в новой опере. Героиня действительно начинает петь, и голосок у нее не плохо хороший. Но дело не в том. Дело в другом: "Призрак оперы" - это настоящий триллер. Много раз зал вздрагивал. Ужас проридрал, когда на сцене в полумраке гримуборной, в темном зеркале, только что отражавшем юную героиню, появлялся с той, зазеркальной, стороны жуткий слезот мелевым черепом, в черном плаще, и улыбкал бедную за собой сквозь стекло туда, в пропасть, во мглительные пространства театральных люков - а затем вдруг все проваливалось еще ниже, в преприподную, в глубокие оперные подвалы, и Призрак волок девушку уже сквозь туман, вниз и вниз, среди горящих погребальных факелов, а затем бросал ее в широкую лодку и, отбрасывая шестом, несз малютку, и девушка лежала в гондоле невесомо, клочком бумажки, а зловещий череп привил сквозь плотную туманившуюся пену. Очнувшись, девушка (видимо, со страха) запела свою арию так называемым открытым звуком, но пикому это не помешало - какой спрос с испуганного человека. А чем такой голос отличается от воя, сорисите вы и получите ответ: практически ничем. Вой и открытый звук исполняются ножом по стеклу. И такие арии звучали в "Призраке оперы" повсеместно. Поэтому можно считать, что этот мюзикл - действительно призрак настоящей оперы, ее пирвоное, с эффектами, повторение, бледная тень. Понимаете опера. Не пародия. Пародия предполагает подражание, тонкий юмор, сознательное копирование - а тут призрак не пошутил ни разу. Какое там! Зато зрители вибрировали. В финале Призрак стрелял по шнурю, на котором почти висел главный герой. Этот выстрел жутко, например, исполнил ребенка сзади меня (несколько звонких недоуменных восклицаний) и огромного парня впереди, он резко дернулся. Девушка была напряжена.

Видимо, ошибаются те теоретики нынешнего театра, которые считают, что зритель хочет легкости, шампанского веселья, а на трагедию не пойдет. Вот поди ж ты, на "Призраке оперы" все места разобрали на много месяцев вперед. Мне повезло, театральный злодей еще не продал последний билетик. Ни единого свободного кресла в огромном зале. Кто-то из великих сказал, что в театр люди идут, чтобы плакать...

Действительно, где еще ты испытываешь этот живой, настоящий, но безонасный ужас, это горячее сочувствие - и ради таких сказочных ощущений люди битком набивают зал ежевечерне, мирясь с визгом и средними голосовыми данными исполнителей. Думаешь: о, если бы великие звезды оперы смогли спеть тут, но спотыкаешься об их вечную борьбу с излишним весом, об их возраст и немилые гонорары, да и то согласится петь каждый вечер годами одно и то же... Катерга, госпожа.

Не стоит говорить, что за мюзиклом будущее, сейчас он просто в моде. Некоторые любят настоящую оперу, настоящий театр, подлинный балет, а здесь играют те, про которых в пятидесятые годы кокетливо говорила Мария Миронова в одной из ролей: "Я артистка синтетического жанра". На этом делают деньги, тут свои суровые законы театрального конвейера, жесткая дисциплина. Покорная очередь, ожидающая у кассы возврата. Азарт в зале. Нелегалы, продающие билеты, тоже прекрасные актеры, это увертюра к театру: их злодейские хватки, жуткие лица и страшные цены придадут спектаклю нерв, законному зрителю добавляют злорадного счастья, а незаконному - райское ощущение вороватой победы.

А У НАС. Я представила себе, какое богатство есть у русского театра, сколько сюжетов, какая музыка, какие актеры! Первый наш мюзикл был в начале века во МХАТе - "Синяя птица". И каждый театральный утренник для детей - тоже, по сути, недооцененный мюзикл. И елочные представления - то же самое. Эльдар Рязанов и Марк Захаров - первые гении мюзикла в России. "Обыкновенное чудо" таково и является, чудом, как и стихи Ю. Кима и музыка Г. Гладкова, и грех было не сделать из него спектакль - не хуже "Хоакина Мурысты" и "Юноны". А как насчет римейка "Золушки"? "Буратино" и "Красной Шапочки"? "Двенадцати стульев"? А ежели набить мелодиями Дунавского спектакль по "Веселым ребятам"? А "Карнавальную ночь" почему не сыграть с песнями того времени? Талантов много. Единственное, что мешает: пока что наше веселье есть питье, как писали на старых чарках... Что касается сюжетов - прошу обращаться к драматургам, из них некоторые способны на все.